

С. И. Николаев

МОРСКОЙ КОСМИЧЕСКИЙ ФЛОТ

ЕГО ЛЮДИ, РАБОТА, ОКЕАНСКИЕ ПОХОДЫ

Сергей Иванович Николаев
Морской космический
флот. Его люди, работа,
океанские походы
Серия «Флот космической службы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43155333

Морской космический флот. Его люди, работа, океанские походы:

Горизонт; Чебоксары; 2015

Аннотация

В книге автор рассказывает о непростой службе на судах Морского космического флота, океанских походах, о встречах с интересными людьми. Большой любовью рассказывает о своих родителях-тружениках села – честных и трудолюбивых людях; с грустью вспоминает о своём полуголодном военном детстве; о годах учёбы в военном училище, о начале самостоятельной жизни – службе на судах МКФ, с гордостью пронесших флаг нашей страны через моря и океаны. Автор размышляет о судьбе товарищей-сослуживцев и судьбе нашей Родины.

Содержание

Об авторе	5
От автора	9
Мечте навстречу	12
Ожидание распределения	12
В оккупации	16
О подвиге сельской учительницы	23
Освобождение от фашистов	28
Возвращение к жизни	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Иванович Николаев

Морской космический флот. Его люди, работа, океанские походы

© С. И. Николаев, 2015

* * *

*Посвящается 70-летию Победы в Великой
Отечественной войне, Дню космонавтики и моим
друзьям-сослуживцам*

Об авторе

Автор этой книги Сергей Иванович Николаев принадлежит к послевоенному поколению советских людей, пережившему тяжёлое военное детство. На долю этого поколения выпало продвигать нашу страну на передовые научно-технические и экономические рубежи. В биографии Сергея Ивановича прослеживаются типичные этапы жизни этого поколения и те свершения, к которым были причастны наиболее активные и достойные его представители. Родившийся и выросший в рабоче-крестьянской семье, проживавшей в Подмосковье, где расположены знаменитые курсы «Выстрел», выпускник средней школы избрал для себя военную стезю. С отличием окончив Пушкинское радиотехническое училище, он служил в Учебном Центре войск ПВО преподавателем по переподготовке офицеров как нашей, так и дружественных нам иностранных армий на новые образцы вооружения.

В 1964 году он поступает в Военную инженерную артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского (ныне – Военная академия РВСН имени Петра Великого). После окончания академии, в 1969 году Сергей Иванович получает направление в Морской командно-измерительный комплекс на должность начальника отделения на научно-исследовательское судно «Академик Сергей Королёв». С этого времени судьба связывает его с одним из самых передовых направле-

ний научно-технического прогресса – освоением космического пространства.

В декабре 1970 года на НИС «Академик Сергей Королёв» был торжественно поднят вымпел Академии наук СССР, и оно было приписано к Черноморскому морскому пароходству.

НИС «Академик Сергей Королёв» для Сергея Ивановича и других членов научной экспедиции стал не только местом службы и работы, но и вторым домом. Быстро освоил специальность обработки телеметрической информации пилотируемых космических кораблей типа «Союз», орбитальных станций «Салют», «Алмаз» и других космических аппаратов. Группа обработки телеметрической информации, возглавляемая С.И. Николаевым, успешно провела работы по стыковке КА «Союз 10», «Союз 11» с орбитальной станцией «Салют-1» и многим другим космическим аппаратам. Позже Сергей Иванович был назначен на должность начальника отделения автоматизированного управления корабельным радиотехническим комплексом. Деловой авторитет по достоинству был оценен руководством экспедиции и Центра.

В 1975 году его назначают возглавить и подготовить к работе группу дешифровки телеметрической информации по программе стыковки космических аппаратов «СОЮЗ-АПОЛЛОН». Отлично завершив работы по стыковке «СОЮЗ-АПОЛЛОН», Сергей Иванович назначается начальником отделения ЭВМ, баллистического обеспечения

и автоматизированной обработки телеметрической информации на вновь строящееся судно НИС «Космонавт Павел Беляев». Это был горячий период развития космических средств в интересах обороны, науки и народного хозяйства, напряжённое время для тружеников космоса. Участвуя в организации и проведении научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, принятии в эксплуатацию ЭВМ и программном обеспечении для управления новых космических аппаратов и пилотируемой орбитальной станции «МИР», Сергей Иванович вкладывает в работу все свои знания, творческие способности и умение. Далеко не полное перечисление проектов, в которых он самым активным образом участвовал, даёт представление о напряжённости и продуктивности этого периода.

В 1982 году его приглашают на работу в Центральный научно-исследовательский радиотехнический институт, где он осваивает новое научное направление – автоматизация проектирования электронной и цифровой аппаратуры. Спустя год Сергей Иванович Николаев назначается на должность специального научно-производственного отдела, который требовалось доукомплектовать научными сотрудниками и подготовить их к решению стоящих перед отделом задач. Эти проблемы были успешно решены. В 1985 году С.И. Николаев успешно сдал Госкомиссии НИР, научным руководителем которой он являлся.

Служебная и производственная деятельность автора этой

книги отмечена государственными наградами и медалями Федерации космонавтики России.

Выйдя на пенсию, Сергей Иванович активно трудился в Производственном Объединении ВДОАМ, будучи заместителем директора Объединения, позже освобождённым секретарём парткома Объединения, членом Москворецкого РК КПСС.

Составной частью его большой общественной деятельности является членство в Союзе ветеранов Морского Космического флота. В коллективе он пользуется заслуженным авторитетом, с ним приятно работать и общаться. Сейчас, когда открылся новый его талант писателя-мемуариста, мы горячо желаем боевому товарищу больших успехов в творчестве и общественной работе.

***В.А. Пятыгин** – полковник в отставке, доктор, профессор, член Международной академии информационных технологий, принимал участие в экспедициях на НИС «Академик С. Королёв»*

От автора

Первая моя книга «О Морском космическом флоте, о сослуживцах, о себе», изданная в 2007 году тиражом 100 экземпляров, была принята читателями с большим интересом. Их замечания и пожелания убедили меня эту книгу переиздать, существенно переработав и добавив больше информации о людях, причастных к тем событиям.

Рассказать обо всём, что испытал, пережил, будучи участником тех далёких событий, нет необходимости.

При написании книги я не преследовал цели удивить читателя чем-то необычным, тем более представить себя и моих сослуживцев людьми героическими, избранными судьбой для исключительно важного и ответственного дела. Отнюдь нет. Хотелось шире раскрыть одну из страниц истории освоения космического пространства, непосредственными участниками которой были моряки космического флота, с честью выполнившие вдали от Родины, возложенные на них задачи.

В настоящее время в периодической печати, на экранах телевизоров всё больше появляется материалов по ранее закрытым темам, в том числе и о Морском Космическом Флоте. К сожалению, мало рассказывается о моряках этого флота, об их трудной работе, быте и обеспеченности. Офицерский состав, на котором лежала основная тяжесть экспеди-

ционных работ, льгот по службе не имел, жилплощадью не обеспечивался.

В Москве действуют два музея МКФ и его филиалы в Санкт-Петербурге и Одессе. Московские музеи расположены в Культурном центре «Митино» и в школе имени космонавта В. Комарова.

Жизнь быстротечна, особенно на завершающем этапе. Многих из ветеранов МКФ уже нет в живых, не все ныне здравствующие могут посетить музей и ознакомиться с его экспозицией. Прочсть же книгу о МКФ, увидеть фотографии и вспомнить свою молодость доступно каждому.

Перечитывая материалы о Морском космическом флоте, его научно-исследовательских судах, об океанских походах, участники тех событий с волнением вспомнят пройденное и пережитое, ощутят свою причастность к истории России.

Не сомневаюсь, что с нескрываемым интересом прочтут предлагаемую книгу внуки наших ветеранов. И тогда, нежно обняв дедушку, с волнением скажут: «Дедушка, милый, да ты у нас герой. Мы гордимся тобой!» Расстроится дед, незаметно смахнёт упавшую на уставшие руки скупую слезу и, поймав себя на мысли, что втайне всегда гордился сделанным, сбивающимся от нахлынувших чувств голосом скажет: «Что вы, какой я герой. Таких, как я – тысячи. Героями будете Вы, если возродите Россию и сделаете её вновь могущественной и уважаемой».

Успокоившись, уединится ветеран, откроет шкаф, рас-

правит медали на висящей без дела тужурке и, предавшись теплу чувств от только что пережитых воспоминаний, мысленно поблагодарит всех тех, кто вспомнил и написал, собрал и сохранил всё то, что причастно к истории Морского космического флота.

А я, вложивший хоть немного информации в общую копилку памяти о тех исторических событиях, считаю, что не зря потратил на это время.

Мечте навстречу

Ожидание распределения

Я и мои однокурсники по Военно-инженерной академии им. Дзержинского, защитив дипломы, с надеждой и некоторой настороженностью ждали распределения. В нашей группе обстановка была относительно спокойной. По просочившейся информации мы знали, что специалисты по ЭВМ и программисты, в основном, будут распределены в НИИ-4, ГРУ, ГШ, ГВЦ, ГУКОСа и подмосковный командно-измерительный комплекс. О Морском командно – измерительном комплексе с центром управления в городе Москве информацией мы не располагали. Но скоро всё прояснилось. Неожиданно слушателей нашего отделения, среди которых был и я, пригласили на беседу к начальнику факультета. Беседа проходила индивидуально с каждым. Беседу вел майор И.Н. Поздняков. Илья Никитович представлял морской командно-измерительный комплекс, в состав которого входили научно-исследовательские суда, предназначенные для контроля работы бортовых систем пилотируемых космических кораблей и аппаратов из различных точек Мирового Океана. Ознакомившись с личным делом, он предложил мне продолжить дальнейшую службу в морском комплексе. Я при-

нял данное предложение. Стать моряком – была моя мечта, и я шёл к её реализации все эти годы. После окончания средней школы закончил в городе Москве годичные курсы судовых радистов. Пройдя практику на рыболовных судах и береговой радиостанции в городе Приморске Ленинградской области, получив диплом радиста второго класса, я понял, что остановиться на достигнутом было бы непростительной ошибкой. Условия работы, в которых я оказался, были, мягко говоря, сносными. Небольшой рыболовецкий совхоз, располагавший пятью траловыми ботами, два из которых еле держались на плаву, редко занимался выловом рыбы. Большую часть времени на этих ботах вывозили с островов заготовленное сено. Подсобное хозяйство позволяло совхозу не только сводить концы с концами, но и обеспечивать своих работников продуктами питания. Поэтому окончательно пришёл к решению, что с рыбацкой экзотикой надо заканчивать и поступать на учёбу в высшее инженерное мореходное училище им. Макарова. Специальность радиста – пусть останется моим хобби.

Однако плану не суждено было сбыться. В ноябре 1955 года я был призван на действительную военную службу. Почти год службы радистом во 2-й гвардейской артиллерийской дивизии, дислоцировавшейся в городе Пушкине Ленинградской области, затем учёба в военном училище пять лет службы в должности преподавателя в 12-м Учебном Центре войск ПВО страны, учёба в академии им. Дзержинского – и мечта

стала былью.

Участие во многих длительных зарубежных экспедиционных рейсах, работа по многим космическим кораблям и аппаратам, стоянки в различных иностранных портах, знакомство с жизнью и культурой посещаемых стран сделали мою жизнь интересной и полезной.

Ожидание Приказа Министра Обороны СССР о назначении на новую должность было томительным и в отдельные моменты вызывало чувство беспокойства. Хотя я и дал согласие продолжить службу на научно-исследовательских судах МКФ (морской космический флот), полной уверенности, что Приказом буду назначен именно туда, не было.

На службу приходилось приходиться ежедневно, но заниматься было нечем. Учебный класс, ставший за годы учебы родным, стал недолгим пристанищем в желанном храме науки.

Сидя частенько на подоконнике раскрытого окна, предавался воспоминаниям о прожитых годах, бежавших то строкой, то четкими кадрами в моем сознании. На улице было нестерпимо жарко. В классе было комфортно. Толстые стены учебного корпуса, построенного в петровское время, надежно сохраняли прохладу. Окна класса выходили в академический дворик, в центре которого был уютный садик. Густая крона старых лип хоть и укрывала от солнечных лучей, но не спасала от духоты. Даже воробьи, купающиеся в лужицах, оставшихся после утреннего полива, выглядели растрепанными и не выражали особой радости от получаемой про-

цедуры.

Дни тянулись мучительно долго. Вспомнил многое... Хочется поделиться воспоминаниями о военных и послевоенных годах, о трудностях, выпавших на долю простых людей, работавших в тылу, особенно о крестьянах, чей изнурительный труд обеспечил продовольствием не только фронт, но и тех, кто в цехах заводов и фабрик, в шахтах, в лабораториях институтов и конструкторских бюро ковали общую победу.

В оккупации

Ноябрь 1941 года был особенно тревожным. Фашистские войска все ближе и ближе подходили к Москве. Заняты города Руза, Калинин, Клин. В прифронтовой полосе оказались Солнечногорск и Дмитров. Ночное небо, подсвечиваемое полыхающими пожарами, все чаще вспарывалось лучами прожекторов, вырывавших в ночном небе немецкие бомбардировщики, рвавшие к Москве. Громче и отчетливее слышалась оружейная канонада.

Жители деревни Тимонова, руководимые моим дедом – Киселевым Иваном Филипповичем, бывшим в то время председателем колхоза, прятали в тайниках муку, зерно, соль, сахар, мясо мелкого скота, птицы и многое другое. Крупный рогатый скот колхоза и некоторых селян был эвакуирован с отходом частей Красной Армии. Временно, как председателю колхоза, покинуть деревню пришлось и моему деду. Иван Филиппович прожил трудную жизнь. Двенадцать лет шагал трудными дорогами трёх войн, организовал колхоз и был его первым председателем.

Деревня, словно вымершая, в ночное время погружалась в глухую темноту. Люди боялись зажечь свет, лишний раз протопить печи. Все ожидали неминуемого прихода немцев.

И это случилось. Примерно 20-го ноября первая немецкая разведгруппа на трех танкетках вошла в деревню. В тот

день мы гостили у бабушки, дом которой находился в северной части деревни. Маленького брата, которому было чуть больше месяца, мама оставила с дальним родственником – дедом Федором, гостившим у нас и не уехавшим в связи со сложившейся обстановкой.

При возвращении домой в боковом прогоне деревни мы увидели небольшую толпу сельчан, которые возбужденно махали руками, кричали и кому-то кланялись. Некоторые были с иконами. Подойдя чуть ближе, мы увидели немецких солдат. На ломаном русском языке они что-то выясняли, показывая руками в сторону Москвы. Одна из старух, держа в костлявых руках икону и неистово крестясь, не скрывала радости приходу новой власти, надеясь, что она отомстит прежней за доставленные ей унижения и вернет все, что у нее было отнято. Ее можно было понять. Раскулаченная в тридцатые годы, она затаила злобу на советскую власть. Найти себя в новых условиях не могла и не хотела.

Ее семья не была кулацкой. Обычные середняки, которые любили свою землю и умели на ней работать. Им, как и многим в то суровое время, не повезло. Каток всеобщей коллективизации подмял и сломал их. Затаенная обида как внутренний нарыв душила и озлобляла, изматывала им нервы. Даже врага, топтавшего коваными сапогами священную русскую землю, разорывшего наши города и села, убивающего тысячами ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, она приняла с радостью и надеждой, что наконец-то наступит

пит жизнь, о которой мечтала.

Увидев нас, эта старушка торопливо направилась к нам. Ее сморщенное лицо выражало злобу, выпученные глаза горели ненавистью. Угрожающе размахивая клюкой, она вплотную подошла к маме и прошипела:

– Ты, председательская су..... беги отсюда со своим щенком, а то ненароком привяжут к танкам и разорвут как бешеных собак.

Легко понять, что чувствовала мама в этот момент. Боялась не за себя, за меня. Подхватив меня на руки, она ускоренным шагом направилась к дому. Отдышавшись, мама рассказала деду о происшедшем. От слов старухи она долго не могла успокоиться. Насторожился и я, словно повзрослев, хотя мне было всего пять лет. Слова «война и враг» стали для меня не просто звуком, а приобрели конкретный смысл. Война – это горе, голод и смерть. Немец – это враг, который пришел убить нас. Такое осознание вскоре выразилось в моем поступке, который чуть не стоил мне жизни.

Вскоре после появления передового отряда фашисты заняли нашу деревню. Наш дом находился на ее окраине. Дом был небольшим, но чистым и уютным: две комнаты, отдельная кухня с русской печью, веранда и дворовая пристройка, в которой содержались овцы, куры и гуси. Комнаты буквально утопали в кружевах. Мама до войны работала на одной из московских швейных фабрик и занималась машинной вышивкой. Помню, что швейная машина «Singer», подаренная

ей на свадьбу, строчила постоянно. Эта машина находится в рабочем состоянии и сейчас.

В нашем доме расположился немецкий штаб. Первое, что они сделали, загнали нас в маленькую комнату. Затем затопили печь, нагрели воды, натаскали в кухню соломы и устроили настоящую баню. Голые, обильно поливая себя водой, они довольно долго мылись, периодически выскакивали на улицу и валялись в снегу. В то же время солдаты, перебив кур и гусей, в большом чугуне, в котором мама варила скотине корм, приготовили на разведенном возле дома костре какую-то еду. Закончив помывку, «квартиранты» устроили в большой комнате ужин. Опьяненные успехами на фронте, подогретые шнапсом, они долго распевали песни и играли на губных гармошках. В какой-то момент один из немецких офицеров, долговязый и рыжий, завалился к нам в комнату, держа в руках что-то из продуктов. Подойдя к маме, он показал на зыбку, подвешенную к потолку, дал продукты и на ломаном русском языке и сказал:

– Киндер? Матка, кушать много надо.

Мама, испугавшаяся прихода немца, ожидала от него всего, но только не этого. Дед Федор свободно говорил по-немецки. В Первую мировую войну он несколько лет провел в немецком плену, работая на одной из ферм. Подойдя к немцу, он обменялся с ним несколькими фразами. Тот, дружелюбно похлопав его по плечу, неторопливо вышел.

Этот немец был поляком. Очевидно, война ему была чуж-

да. Оказавшись в кровавой мясорубке, он не мог не выполнить приказа, и выполнял его, как подсказывала совесть. Воспоминание о доме, об оставленной семье размягчали его душу. И он, как бы оправдываясь за содеянное, пытался сделать что-то доброе. В удобные моменты передавал маме то колбасу, то сгущенку.

Немцы находились в нашей деревне восемнадцать дней. Но и этого срока хватило, чтобы понять всю трудность и отвратительность положения. Главное – это голод. Запасов продовольствия не было. Выживали, как могли. Дед Федор аккуратно собирал брошенные немцами продукты и остатки пищи. Мама их использовала. Однажды он принес большой кусок мороженой конины. Хоть с отвращением, но мы ее съели. В другой раз он принес целый мешок мороженых яблок. Немцы их выбросили, а нам они были в радость.

Мелкие подачки не растопили во мне вражды к немцам, которую я чувствовал постоянно. Как-то, одев фуражку, офицерский ремень с кобурой, вооружившись детским ружьишком, стрелявшим пистонами, я спрятался в сенях за входной дверью. Весь этот реквизит был оставлен офицером, квартировавшим у нас до прихода немцев. Ждать врага долго не пришлось. В первого вошедшего немца с криком «Ура!», «За Родину!» я выстрелил несколько раз. Ошеломленный неожиданностью происшедшего, немец схватил меня за ноги и готов был разбить об угол дома. Дед Федор, случайно увидевший эту сцену, буквально вырвал меня из

его рук. Извинившись и объяснив немцу, что это еще глупый мальчик, за смелый поступок он не должен быть жестоко наказан, а наоборот, заслуживает уважения. Немец, польщенный тем, что русский «Иван» свободно говорит на его родном языке, отпустил меня и даже дал шоколадку.

Первые дни захвата деревни немцы вели себя спокойно. На южной стороне ускоренно сооружали огневые точки. Чувствовалось, что они готовятся к скорому наступлению. Части Красной Армии, отошедшие на линию Рогачевского шоссе, активных боевых действий не вели. Лишь однажды в деревню ворвался танк, который был подорван немцами, а экипаж расстрелян. Чуть позже в деревне появился эскадрон красноармейцев, очевидно заблудившийся или не знавший реального положения линии фронта. Увидев опасность, уйти он уже не смог. Немцы окружили и расстреляли его, не пожалев лошадей.

В школе немцы развернули полевой госпиталь. Школьный двор, окруженный кустами сирени, еще недавно любовно ухоженный и благоухавший гроздьями сирени и россыпью различных цветов, был превращен в скотобойню. Скот сельчан, не эвакуированный с отходом частей Красной Армии, был согнан немцами на школьный двор и забит. Кругом валялись головы, шкуры, конечности и внутренности животных. Стаи голодных собак и ворон, слетевшихся со всей округи, рвали и растаскивали это добро по укромным местам. Большинство яблонь и вишен в саду были вырублены.

Ульи, убранные на зимнее время в один из коридоров школы, были частично сожжены, оставшиеся – выброшены на улицу. Учительница Лидия Александровна, интеллигентная женщина, в своё время окончившая институт благородных девиц, была выгнана из школы, её приютили сельчане. Единственной коровой, оставшейся в деревне, была корова моей бабушки. Забрать немец ее не смог, не далась. Но и не застрелил, пожалел ее за красоту и буйный нрав. Действительно корова была хороша, но бодлива. В народе говорят, что бодливой корове Бог рогов не даёт. Ей дал. Да ещё какие! Бабушка нарекла её – «Красоткой». Она соответствовала этому имени. Крутые рога, бело-красный окрас, большое вымя и крупные габариты выделяли ее из всего стада. «Красотка» еще долгие годы преданно служила бабушке, радуя ее хорошими надоями молока.

Зверств немецкие солдаты не проявляли. Не до этого было. Один из стариков преклонных лет, назначенный старостой деревни, к исполнению обязанностей приступить не успел. Деревня 12 декабря была освобождена частями Красной Армии.

О подвиге сельской учительницы

О подвиге молодой учительницы Новаковой Анастасии Федоровны хочется рассказать особо. Ася, как любовно звали её товарищи, преподавала географию в школе рабочей молодежи в городе Солнечногорске. Накануне вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР Анастасия Федоровна переехала в деревню Вертлино, где в сельской семилетней школе преподавала немецкий язык и географию. С захватом гитлеровцами Солнечногорска она намеревалась уйти в лес к партизанам. Однако сразу осуществить задуманное ей не удалось. Вскоре в деревню ворвались немцы.

Анастасия Федоровна проживала в доме колхозницы А.Ф. Шароновой. С приходом в село немцев хозяйка дома ушла в соседнюю деревню. Ася в доме осталась одна. Как – то темным поздним вечером в дверь осторожно постучали.

– Кто это, свои или гитлеровцы? – мгновенно мелькнуло у Анастасии Федоровны. Она вышла в сени. Прислушалась. За дверью было тихо.

– Кто? – решительно спросила Ася.

– Откройте. Свои, русские, – ... почти шепотом попросил из-за двери молодой мужской голос.

Ася открыла дверь. На крыльце, прижимаясь к стене, стояли три лейтенанта. Впустив их в дом, она спросила:

– Кто вы и чего хотите?

Офицеры просили указать дорогу к нашим войскам в обход фашистских постов. Она согласилась им помочь. В первую очередь, хоть и скудно, но накормила. Затем, разыскав штатскую одежду мужа хозяйки дома, который в то время сражался на фронте против немецких захватчиков, их передела.

– В таком – то пройти будет безопаснее, – заметила Ася.

Глубокой ночью, выведя лейтенантов за околицу деревни, она указала им дорогу. Расставаясь с Анастасией Федоровной, один из лейтенантов сердечно поблагодарил её и попросил передать партизанам небольшую записку.

– Это будет для них очень ценно! Только имейте в виду – записка больше никому попасть не должна.

Анастасия Федоровна взяла записку и бережно заложила ее за подкладку пальто.

– Потом зашью, – подумала она.

Проводив офицеров взглядом, пока их силуэты не скрылись в темноте зимней ночи, она пошла домой.

– Завтра уйду в лес или в соседнюю свободную от немцев деревню, а там и найду партизан, – размышляла она, подходя к тёмной избе.

Но намерению Анастасии Федоровны не суждено было сбыться. Шестого декабря 1941 года рано утром к дому Шароновой подъехал грузовик. Выглянув в окно, Ася догадалась, что это немцы. В голове невольно промелькнула мысль: «Изверги. Кто-то видел и предал». И ей припомнилось, что

накануне вечером под окнами промелькнула какая-то женская тень.

В сенях уже тяжело топали сапогами немецкие солдаты. С шумом распахнулась дверь. Окружив хрупкую женщину, они направили на нее автоматы. Один из эсэсовцев, цепко схватив Асю за плечо, подтолкнул ее к двери. Ася успела набросить на себя пальто и прикрыть голову платком.

– Шнель! Пошел, – злобно кричал он пропитым и простуженным голосом. Выведя её на улицу и грубо подталкивая дулом автомата, втощил в кузов. Машина направилась в сторону деревни Осипова. Ася знала, что в доме колхозницы Карелиной находится немецкий штаб. Она поняла, что везут её именно туда. Подъехав к штабу, тот же эсэсовец внимательно обыскал ее. Увидев подпоротую подкладку, немец достал оттуда спрятанную записку. Но он, и опомниться не успел, как Ася выхватила у него записку и, разорвав её на мелкие клочки, пустила по ветру. Сильный ветер, подхватив маленькие клочки бумаги, развеял их по глубоким сугробам и кустарникам. Собрать их было уже невозможно.

Избитую, почти теряющую сознание, Анастасию Федоровну втощили в дом. В тускло освещенной комнате за крестьянским столом сидел генерал. На печке, чуть прикрытой занавеской, Ася заметила хозяйку дома Карелину, испуганно смотревшую на нее.

Допрос проходил на немецком языке. Хозяйка дома не поняла, чего требовал от деревенской учительницы генерал. Но

в деталях запомнила все, что там происходило.

Генерал кричал, топал ногами, угрожал расправой. Ася стояла спокойно и молчала. Молчала, словно у нее не было языка.

Устав от допроса, молодая женщина с презрением бросила ему по-русски:

– Отвечать не буду. Делайте со мной что хотите!

Фашист не ожидал от молодой женщины такой твердости и стойкости. Рассвирепев окончательно, он крикнул: Вегнемен! («Убрать!»).

Старая колхозница запомнила, как два здоровых эсэсовца, заломив Асе руки за спину, вытолкнули ее на улицу. Больше её она не видела.

Солдаты провели Анастасию Федоровну по деревне. Соседский мальчик Вася Касаткин, оказавшийся в тот момент с двумя сверстниками у избы, видел, как вели мимо них учительницу. Ася узнала их. Обернувшись, она крикнула им:

– Ребята, милые, прощайте!

Немцы вывели Анастасию Федоровну за деревню. Там в низине, заросшей кустарником и молодыми березками, её казнили.

Никто из сельчан не знал, где и как погибла героическая девушка. Зима надежно укрыла ее изувеченное тело белым пушистым снегом и надежно сохранила до весны. И только весной, когда стал подтаивать снег, жительница деревни Осипова Ксения Ивановна Юдина, собирая хворост, обна-

ружила обнаженное тело изуродованной женщины. Это была Новакова Анастасия Федоровна. Тело Аси представляло кровавое месиво. Грудь была исколота широкими ножевыми штыками, череп проломлен.

Новакову Анастасию Федоровну с почестями похоронили в деревне Вертлино возле школы, в которой она учила деревенских детей. На её могиле лежит мраморная плита, напоминающая людям о героическом подвиге простой сельской учительницы.

Освобождение от фашистов

Двое суток потребовалось нашим войскам, чтобы выбить фашистов из города Солнечногорска и близлежащих деревень.

Ранним утром 11 декабря 1941 года начался мощный артиллерийский обстрел, который продолжался до поздней ночи. Фашисты, оказывая сильное сопротивление, несли большие потери в живой силе и технике. Северная часть деревни полыхала пожарищем. Зловещее пламя перебрасывалось с одного дома на другой. Фашисты методично поджигали дома, освещая тем самым вероятное направление наступления наших войск.

В это время мы прятались в погребе, вырытом в огороде бабушки. В какой-то момент возле погреба разорвался тяжелый снаряд. Посыпалась земля, погас керосиновый фонарь. Боясь прямого попадания снаряда в погреб, пришлось срочно его покинуть. Под свист трассирующих пуль, грохот рвущихся снарядов мы перебежали в дом. Остаться в нем не решились. Соседний дом уже полыхал. Сильный ветер раздувал пламя. Ясно было, что загорится и бабушкин дом.

Собрав необходимые пожитки, запасы продуктов, укутав детей в теплые одеяла, мы с соседями направились в военный городок, надеясь надежно там укрыться. По дороге фашистов видно не было. Очевидно, они ее покинули, поняв

бессмысленность сопротивления. Не было их и в военном городке. Подойдя к погребу, расположенному возле церкви, поняли, что он уже переполнен ранее ушедшими из деревни сельчанами. Выхода не было. Потеснившись, кое-как расположились в нем и мы. От большого скопления людей лед в погребе вскоре начал таять, было тяжело дышать, с потолка, по стенам текли струйки воды. Стало ясно, что дальше в погребе оставаться нельзя. День был на исходе. Артиллерийская канонада прекратилась. Изредка слышались автоматные очереди и винтовочные выстрелы.

Покинув погреб, укрывавшиеся в нем люди, направились к поповскому дому. На тот момент он представлял жуткую картину. Повсюду валялись окровавленные бинты, простыни, разорванные одеяла и поломанная мебель. В печах еще тлели угли.

Моя мама решила нас полусонных положить на кровать. Увидев какие-то провода, торчащие из-под матраса, она его откинула. Под ним лежала мина. Немцы, убегая из городка, заминировали поповский дом, в нескольких комнатах заминировали и мебель. Мама немедленно сообщила об этом деду Федору. Дед Федор вместе с другими стариками, находившимися рядом, осторожно обследовали дом, близлежащие постройки, внимательно осмотрели мебель. Несколько обнаруженных мин обезвредили и вынесли за церковь. Только после этого разрешили сельчанам размещаться. Счастье, что мама увидела провода. Не произойди этого, горя бы не

миновать.

Ранним утром следующего дня в городке появились красноармейцы. Они сообщили, что деревня освобождена и можно вернуться к своим домам. Радости не было предела. Двенадцатого декабря был освобожден город Солнечногорск.

Тринадцатого декабря на несколько минут забежал домой мой отец. В то время он служил в авиационном полку, аэродром которого располагался возле деревни Строгино. Позже отец рассказывал, что он увидел на дороге Солнечногорск – Тимоново. Картина была страшной: сотни немецких трупов, большое количество разбитой военной техники валялись по обеим сторонам дороги. Особенно много всего этого было на дамбе. Поспешно отступая, немцы вынуждены были двигаться в район города Солнечногорск по дамбе, насквозь простреливаемой нашими войсками со стороны деревень Загорье и Верглино. Другого пути для отступления у них не было. С восточной стороны дамбы было еще слабо замерзшее озеро Сенежское, с южной стороны – река Сестра и заболоченная низина. Дамба стала для фашистов дорогой смерти.

Возвратившись в деревню, сельчане увидели удручающую картину... Из шестидесяти домов более десятка были сожжены, многие – изрешечены пулями и частично разрушены прямым попаданием снарядов. Остовы печных труб, обгоревшие деревья, дымившиеся развалины и крики подавленных горем женщин заставляли содрогнуться от осозна-

ния нанесенного ущерба. Все живое замерло и попряталось, и лишь голодные собаки, очумевшие от страха, метались от одного дома к другому в поисках пищи.

Возвращение к жизни

Фашисты из деревни выбиты. Возвратился мой дед и приступил к исполнению обязанностей председателя колхоза. Деревня, совсем недавно радовавшая прохожих своей ухоженностью и порядком, была осквернена и частично сожжена. Первое, что надо было сделать, это расселить и накормить погорельцев. Многих приютили родственники, часть поселили в школе, оставшихся расселили в военном городке. Труднее было с продовольствием. Но и эта проблема как-то решалась. Большая часть селян до прихода немцев надёжно спрятала продовольствие, овощи, зерно и многое другое. Такие меры были приняты и колхозом, что помогло не только выжить, но и в первую военную весну частично засеять пашни, посадить овощи и собрать урожай. Трудней было со второй проблемой – трупы погибших красноармейцев и немецких солдат валялись повсюду. Сильных мужских рук не было. Остались четыре старика да несколько подростков. Конюшня была пуста – лошади, угнанные с отступающими нашими войсками, пока не были возвращены.

Немецкое командование не особенно заботилось о захоронении своих погибших солдат. Свидетельством тому было то, что часть их трупов были свалены в наскоро вырытую в центре деревни яму, другие – были разбросаны по всей деревне. Пришлось селянам предать их земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.